

3.

Зачем читать или смотреть трагедию «Царь Эдип»? Ответа на этот вопрос мы пока не знаем. А вот на вопрос: почему мы её читаем и смотрим, ответ может быть один – потому что Софокл её написал, а театр поставил.

На Эдипа возведён чудовищный поклёп, единственным объяснением которому может быть только политическая интрига.

Заговор – не шутка. Как бы разумно и основательно ни объяснял Креонт абсурдность такого предположения, подозрение этим не снимается. Однако, нет и доказательств, и невинный брат царицы всего лишь изгнан, изъят из уравнения – пока.

Но и главный виновник бедствий города всё ещё остаётся нераскрытым.

Озабоченность царя вызывает тревогу жены, она вынуждает его поделиться с ней своими заботами, и в этой беседе всплывают ещё несколько подробностей давних происшествий.

Стараясь успокоить мужа, Йокаста призывает его не слишком верить ни словам прорицателей, ни пророчествам – они, как правило, не сбываются. В качестве примера она рассказывает о том, что Лаю, первому её мужу, было предсказано, что он погибнет от руки сына. А меж тем, убит он был какими-то разбойниками по пути в Дельфы. Родившийся же у них сын был сразу отнесён далеко в горы, оставлен там и погиб.

По тому, как подробно спрашивает Эдип жену о деталях гибели Лая – о месте, времени, о его внешности, количестве его спутников и повозке – и по его непроизвольно вырывающимся реакциям, мы понимаем, что всё это вызывает в нём тревогу. Он даже вскользь высказывает предположение, что, возможно, слепой прорицатель был отчасти прав.

Мы видим царя в смятении, но ещё не знаем, чем оно вызвано. Он же требует отыскать того единственного свидетеля ссоры, которому удалось спастись бегством и остаться в живых. По словам царицы, он жив и теперь и пасёт стада вдали от столицы. Он оказывается сам попросил отправить его туда, узнав что новым царём стал Эдип.

Странно... Эту подробность тоже легко пропустить участникам событий, увлечённым и даже взволнованным их развитием. Но не нам, кто – не правда ли? – слышит больше, чем по капле отпускает нам сюжет. Мы тоже не знаем, что это была за вздорная просьба пастуха, но подробность эта как-то странно торчит поперёк связного рассказа царицы. Не начинаем ли мы всё отчётливее различать гудение какого-то высоковольтного провода, хотя участники событий продолжают мерить их привычными, знакомыми мерками. Я напоминаю: мы ещё очень мало знаем, чтобы делать выводы. Важно только не упускать из внимания этот, едва слышимый пока гул.

Эдип требует вернуть пастуха, и отказывается объяснять причины своего беспокойства, пока не увидится с ним. Но царица настойчива в своём стремлении развеять тревогу мужа и продолжает спрашивать его. И тогда царь делится с ней своей историей, доселе неизвестной и нам с вами. Только теперь мы узнаём, кто такой Эдип.

Родом он оказывается из Коринфа. А в Фивы его привело благородное решение: смущённый намеками неких бесцеремонных сограждан на то, что он приёмный в царской семье, он не удовлетворился уверениями родителей – царя Полибия и царицы Мeroпы – и обратился к Оракулу, который намёков не подтвердил, но предупредил, что ему суждено убить отца и жениться на собственной матери.

До чего же оракулам понравилась эта дикая идея отцеубийства, которую они упорно пытаются внушить любому, кто ни спросит.

Вот ужаснувшись такой судьбе и всеми силами стараясь её избежать, он и оставил царский дом, где его тоже ждало престолонаследие.

Наш лукавый мозг, испорченный чтением детективов, может легко начать связывать концы – и свяжет, пренебрежительно усмехаясь тугодумию архаичных действующих лиц. Но это и будет та самая кичливая лингвистическая чувствительность, мешающая услышать стих. Даже простая жизнь, с её необъяснимыми поворотами не укладывается в рамки детектива. А здесь речь вообще не идёт о преступниках, скрывающихся от правосудия. И, право, лучше было бы сразу отмахнуться от этой пустой привычки. А если ваш мозг всё-таки требует работы, задумайтесь вот о чём:

Откуда всё же эта слепая вера в предсказания? И полное отсутствие веры в собственные возможности? Ну, допустим человек не готов ещё рассматривать предупреждение высших сил, как простое испытание, он, в сущности, видит себя готовым любое предсказание исполнить. И, тем не менее, каким-то неуклюжим образом пытается этого избежать. Значит где-то в тайниках души гнездится сомнение в неизбежности рокового исхода? Но почему бы тогда не встретить испытание лицом к лицу, в присутствии любимых родителей, тем более, что предупреждённый будет вести себя гораздо более осмотрительно? А если посвятить в предсказание и их, то осторожность усилится вдвое.

Какой-то мгновенный панический страх лишает человека способности трезво мыслить. Knee jerk reaction – дрожь в коленках. Внезапный и неуправляемый испуг – он длится всего секунду, ничем по существу не обоснован, но может определить твоё поведение – и судьбу – на всю оставшуюся жизнь.

И ведь с фиванским царём и его супругой случилось буквально то же самое!

Мы не успеем обо всё этом связно подумать, поспеяв за развитием действия, но в сжатом виде, в смутном ощущении эти размышления продолжают присутствовать в нас, пусть не совсем осознанно.

Исповедь Эдипа продолжается. В результате скитания его завершили в Фивах, но по дороге случилось досадное столкновение со вздорным и вспыльчивым встречным путником, который первым развязал рукоприкладную ссору, требуя уступить ему дорогу, и в потасовке был убит. И уж очень все приметы (изложенные царицей) указывают, что этот встречный мог быть царём Лаем. Почему и необходимо расспросить злополучного пастуха, чтобы либо в этом убедиться, либо вздохнуть с облегчением.

Получается, что вероятность вины весома. И Эдип готов нести наказание в форме ухода с престола и изгнания. Но пока это всего лишь вина убийства, до некоторой степени оправданного необходимостью самозащиты. Чего он по-прежнему страшится более всего – это предсказанного ему Оракулом отцеубийства и кровосмесительства, а чтобы этого избежать, достаточно лишь не возвращаться домой, в Коринф, и не встречаться с родителями.

По обычным меркам события разворачиваются терпимо. Окончательное слово о вине Эдипа ещё не сказано. Мы его ждём. Но даже если вина подтвердится, это будет всего лишь вина в рядовом убийстве – что по тем временам не редкость. Зато бремя проклятия, висящего над городом, будет снято, Эдип отнюдь не склонен оспаривать приговор Оракула и готов смириться с возможным изгнанием.

Так видят ситуацию её участники. У нас же есть редкое преимущество активного свидетеля: в нас продолжают одновременно вибрировать несколько впечатлений, ускользнувших от внимания непосредственных действующих лиц. Мы тоже не знаем ещё полной правды, но начинаем догадываться, что за поверхностью событий скрывается какое-то иное, настоящее бытие, и что именно его законы этими событиями управляют. И с этого момента мы начинаем переживать не столько судьбы героев, сколько напряжённое противостояние двух могучих сил, энергию трагедии.

Внезапно является новое нежданное лицо – вестник из Коринфа. Там события следовали своим чередом, и царь Полибий умер своей смертью. Вестник же принёс просьбу коринфян к Эдипу вернуться домой и по праву занять освободившийся трон.

Вот как будто ещё одно подтверждение мнения царицы Йокасты, что не следует доверять предсказаниям – опасения Эдипа были напрасны, его отец умер сам, без его участия.

Однако, для осторожного Эдипа остаётся действующей вторая половина предсказания: его мать, вдова Полибия Мeroпа жива, и ему следует держаться от неё в стороне. Но у посланца коринфян есть для него ещё одна новость. Да, Эдип считается законным сыном и наследником царской четы, но он – не их кровный сын. Он не был рождён Меропой. Сам этот посланник был некогда тем пастухом, который принёс во дворец ребёнка с ранами на ногах – из-за которых ему и дали имя «эдип», «опухшие ноги» – и дитя было усыновлено царём и царицей ибо они были бездетны. Так что Меропы бояться не следует, Эдип – не её сын.

Но откуда же взялся этот несчастный ребёнок? Тогдашний пастух принял его от незнакомца, который кажется называл себя слугой царя Лая.

Узлы стремительно распутываются, и события соединяются в связную историю, какой бы ни казалась она отвратительной?

Но Эдипу кажется, что не хватает одной, последней точки – её сможет поставить тот, кто уносил ребёнка в горы из Фиванского дворца. Он скажет, чей приказ выполнял, и кто были родители ребёнка. Совсем не обязательно, чтобы он оказался сыном царской четы. Это мог быть какой-то случайный и нежелательный ублюдок...

Теперь Эдипа не смутило бы и собственное низкое происхождение.

Всё это конечно совпадает с признанием самой Йокасты о данном им с мужем предсказании и их решении избавиться от ребёнка. Но по-видимому Эдип этого не помнит в данный момент, и немудрено – напряжение противоборствующих сил достигло высшей точки. Гул становится оглушающим. А человек сохраняет устойчивую неспособность или упорное нежелание взглянуть внутрь себя самого. Хотя ещё в разговоре со слепым прорицателем Тиресием Эдип слышал: «Меня коришь, а нрава своего не замечаешь...». И ещё: «Хоть зорек ты, а бед своих не видишь...». Он не знает, не может себя заставить. Слишком страшно.

Первой правда открывается Йокасте, которая в последней попытке спасти их обоих уговаривает мужа не докапываться до истины о своём происхождении. А потерпев поражение, прощается с ним и, как мы вскоре узнаем – кончает с собой.

И вот на сцене последний свидетель. Пастух, который в своё время унёс из дворца младенца и передал его в руки другого пастуха. Они узнают друг друга. Оказывается к тому же, что он и есть тот самый спасшийся спутник царя Лая, принёсший весть о его гибели, за которым посылали ещё раньше. Двойной свидетель. Конечный удар трагедии. «Ты – сын Лая. Йокаста, твоя мать отдала тебя мне, боясь пророчества, велела умертвить. Пожалел, отдал чужому пастуху, вот этому».

Не могу удержаться, чтобы не привести последние короткие, стремительные слова этого диалога:

- Ребенком Лая почитался он...
- Но лучше разъяснит твоя супруга.
- Так отдала тебе она младенца?
- Да, Царь.
- Зачем?
- Велела умертвить.
- Мать – сына?
- Злых страшилась предсказаний.
- Каких?
- Был глас, что он убьёт отца.

Где тут последний поворот ключа, распаивающий бездну отчаяния? Конечно вот здесь: «Мать – сына»?

Теперь лишнее даже подтверждать, что случилось на перекрёстке трёх дорог.

Вот и всё.

Эдип покорно несёт мучительное наказание – душевное, и физическое. Ещё до того, как быть изгнанным, он сам себя ослепляет, как будто приводя в соответствие свою плотскую природу с поразившей его некогда внутренней слепотой.

Если вам повезло, вы пережили серьёзную встряску. Может быть это можно сравнить со зрелищем столкновения двух пассажирских поездов. Время помолчать.

И может быть спустя несколько дней, а то и недель, вы обнаружите, что чуть иначе стали смотреть на некоторые вещи.

Сегодняшние восемь минут мы, однако, исчерпали.